

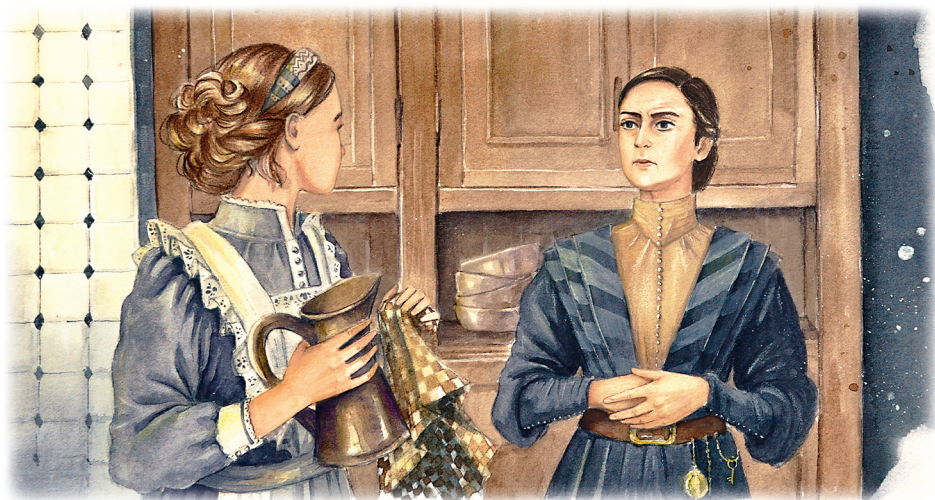
Писательница получила множество писем с просьбами продолжить историю ее необычной героини, и в 1915 г. появилась вторая книга — «Поллианна вырастает», также встреченная издателями с большим энтузиазмом. И хотя в дальнейшем Портер создала еще несколько романов для взрослых и множество рассказов, некролог, напечатанный в «Нью-Йорк таймс» в 1920 г., на следующий день после ее смерти, носил краткий, но выразительный заголовок: «Умерла автор „Поллианны“».

Неслыханная популярность повестей о Поллианне привела к тому, что уже после смерти Портер еще четыре писательницы поочередно создавали все новые книги, объединенные образом главной героини и описывающие ее очередные приключения. Так появилась целая серия — «Радостные книги „Поллианны“».

Повести о Поллианне не утратили своей привлекательности для читателя и в наши дни. Они постоянно выходят крупными тиражами как в англоязычных, так и во многих других странах. К ним продолжают обращаться режиссеры театра и кино и сегодня.

«Игра в радость», которую подарили читателям Портер и ее героиня, согревает душу и увлекает. Отнюдь не сентиментальность, поверхностный оптимизм или невнимание к проблемам, которые ставит перед человеком жизнь, стали причиной создания образа «вечно радостной» девочки; как говорила сама Портер: «Я никогда не считала, будто нам следует отрицать существование трудностей, страданий и зла. Я только думала, что гораздо лучше приветствовать неизвестное бодро и радостно». Так поступала в жизни она сама, и этот ее совет, обращенный к нам, звучит без назидания, но с пленительной простотой и непосредственностью из уст ее вечно живой, вечно радостной и вечно близкой нам героини.

М. Ю. Батищева

ГЛАВА 1

Мисс Полли

В это июньское утро мисс Полли Харрингтон вошла в кухню своего дома с несвойственной ей поспешностью. Обычно движения ее были неторопливы; она очень гордилась своей выдержкой. Но сегодня она спешила. Действительно спешила.

Ненси, мывшая посуду в раковине, с удивлением подняла глаза. Она работала у мисс Полли всего лишь два месяца, но уже заметила, что ее хозяйка никогда не спешит.

— Ненси!

— Да, мэ, — ответила Ненси с готовностью, но продолжая при этом вытирать кувшин, который держала в руках.

— Ненси! — Теперь голос мисс Полли звучал сурово. — Когда я говорю с тобой, ты должна прервать работу и выслушать меня внимательно.

Ненси покраснела до ушей и сразу же отставила в сторону кувшин прямо вместе с тряпкой, которой его вытирала, отчего он чуть не опрокинулся, что еще больше смутило ее.

— Да, мэм... хорошо мэм, — пробормотала она, одновременно возвращая равновесие кувшину и торопливо оборачиваясь к хозяйке. — Я продолжала работу только потому, что сегодня утром вы велели мне поскорей управиться с посудой. Вы ведь помните?

Мисс Полли нахмурилась:

— Довольно, Ненси. Я не требую объяснений. Я требую внимания.

— Да, мэм. — Ненси подавила вздох. Мысленно она спрашивала себя, удастся ли ей когда-нибудь угодить этой женщине.

Ненси никогда прежде не работала «у чужих», но, так как ее больная мать неожиданно овдовела и осталась с нею и тремя младшими детьми на руках, она, как старшая, оказалась вынуждена пойти работать, чтобы поддержать семью. И она была очень довольна, когда нашла место служанки в большом доме, стоявшем на холме в шести милях от Перепутья, как называлась родная ферма Ненси. Раньше она знала мисс Полли только как хозяйку старого имения Харрингтонов и одну из самых богатых жительниц городка. Так было два месяца назад, а теперь она знала мисс Полли как строгую, сурового вида женщину, которая хмурилась всякий раз, когда со стуком падал на пол нож или хлопала дверь, и никогда не улыбалась, даже если ножи и двери вели себя тихо.

— Когда ты справишься со своей утренней работой, Ненси, — продолжила мисс Полли, — освободи маленькую комнату на чердаке и постели там раскладную кровать. Подмети пол и вытри пыль. Разумеется, все это после того, как вынесешь оттуда чемоданы и коробки.

— Хорошо, мэм. А куда я должна их вынести?

— На чердак над парадным входом. — Мисс Полли заколебалась, но потом добавила: — Я думаю, что могу сказать тебе это сейчас, Ненси. Приезжает моя племянница, мисс Поллианна Уиттиер. Она будет жить у меня. Ей одиннадцать лет, и она будет спать в этой комнате.

— Девочка... приедет сюда? Ах, как хорошо! — воскликнула Ненси, подумав о своих младших сестрах, присутствие которых словно солнцем освещало дом в Перепутье.

— Хорошо? Ну, я не стала бы употреблять такое слово, — возразила мисс Полли холодно. — Но, разумеется, я намерена сделать все, что в моих силах. Я полагаю, что я добрая женщина, и знаю, в чем заключается мой долг.

Ненси залилась ярким румянцем.

— Конечно, мэм. Я только подумала, что маленькая девочка могла бы... скрасить вам жизнь, — запинаясь, произнесла она.

— Спасибо за заботу, — ответила мисс Полли сухо. — Однако не могу сказать, чтобы я видела в этом какую-то настоятельную необходимость.

— Но, конечно, вы... вы рады ей... вашей родной племяннице, — отважилась заметить Ненси, смутно чувствуя, что следует тем или иным образом подготовить благожелательный прием для этой неизвестной маленькой и одинокой девочки.

Мисс Полли высокомерно вздернула голову:

— Право же, Ненси, я не вижу причины особенно радоваться из-за того, что мне случилось иметь сестру, которая оказалась настолько глупа, чтобы выйти замуж и родить на этот свет, и без того уже перенаселенный, совершенно ненужных детей, а мне придется о них заботиться. Впрочем, как я уже сказала, я знаю, в чем заключается мой долг. Не забудь особенно тщательно вымести в углах, Ненси, — закончила она резким тоном, покидая кухню.

— Хорошо, мэм, — вздохнула Ненси, берясь за не вытертый досуха кувшин, теперь уже совсем остывший, так что его пришлось опять ополаскивать горячей водой, чтобы легче было вытереть.

Вернувшись в свою комнату, мисс Полли снова достала письмо, которое пришло за два дня до этого из далекого западного городка и которое оказалось для нее таким неприятным сюрпризом. В этом письме, адресованном мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилл, штат Вермонт, содержалось следующее:

«Сударыня,

с прискорбием сообщая Вам, что две недели назад скончался преподобный пастор Джон Уиттиер, оставив сиротой дочку одиннадцати лет. Имущества он никакого не имел, за исключением нескольких книг, потому что, как Вам, без сомнения,

известно, он служил пастором в нашей маленькой миссионерской церкви и получал весьма скудное жалованье.

Насколько мне известно, он был мужем Вашей покойной сестры, но, как он дал мне понять, Ваши семьи были далеко не в лучших отношениях между собой. Тем не менее он полагал, что в память о Вашей сестре Вы, возможно, захотите взять на себя заботу о девочке и воспитать ее среди родственников на востоке. Поэтому я и пишу Вам.

К тому времени, когда Вы получите это письмо, девочка будет готова к переезду, и если Вы можете взять ее, то просим безотлагательно нас об этом уведомить, так как в скором времени одна супружеская пара отправляется из наших мест на восток и они могли бы взять девочку с собой в Бостон, а там посадить ее на поезд до Белдингсвилла. Разумеется, мы сообщим Вам, в какой день и каким поездом прибудет Поллианна.

*С надеждой на быстрый и благоприятный ответ
остаюсь с почтением
Иеремия О. Уайт»*

Нахмурившись, мисс Полли свернула письмо и сунула его обратно в конверт. Она ответила на него вчера; написала, что конечно же возьмет ребенка. Она надеется, что хорошо понимает, в чем заключается ее долг в данном случае! Хотя исполнение его и будет неприятным.

И теперь, когда она сидела с этим письмом в руках, мысли ее обратились к прошлому — к тому времени, когда ее двадцатилетняя сестра Дженни, вопреки возражениям всей семьи, настояла на своем браке с молодым священником. Был тогда и другой, богатый человек, который хотел жениться на ней, и ему отдавали предпочтение все Харрингтоны, но не сама Дженни. Этот богатый жених был и старше, и денег имел больше, что говорило в его пользу. А у пастора не было ничего, кроме молодости, любящего сердца и головы, полной юношеских идеалов и энтузиазма, но Дженни предпочла именно это, что, впрочем, вполне естественно. А потому она вышла замуж за пастора и уехала с ним в один из южных штатов, куда он отправился миссионером.

Тогда и произошел разрыв. Мисс Полли хорошо помнила эти события, хотя в то время ей, самой младшей в семье, было только пятнадцать лет. После этого семью почти ничто не связывало с женой миссионера. Правда, Дженни писала им иногда и даже назвала свою последнюю дочку Поллианна в честь своих сестер, Полли и Анны, — остальные дети Дженни умерли в младенчестве. Это была последняя весточка от нее, а через несколько лет сам пастор в коротком, но горестном письме, отправленном из маленького городка на западе страны, сообщил о ее смерти.

Между тем и для обитателей большого дома на холме время не стояло на месте. Мисс Полли, глядя из окна на простирающуюся внизу долину, думала о переменах, которые за эти двадцать пять лет произошли в ее жизни. Теперь ей было сорок, и была она совсем одна на свете. Отец, мать, сестры — все умерли. Уже давно она стала единственной хозяйкой большого дома Харрингтонов и денег, оставленных ей отцом. Были люди, которые открыто жалели ее, сокрушались из-за ее одиночества и уговаривали взять к себе в дом какую-нибудь подругу или компаньонку. Но мисс Полли оставалась равнодушной и к их сочувствию, и к их советам. Она говорила, что совсем не чувствует себя одинокой, что ей нравится жить одной, что она всему предпочитает покой. Но теперь...

Мисс Полли поднялась, брови ее были по-прежнему сдвинуты, а губы плотно сжаты. Ей, конечно, было приятно сознавать, что она добрая женщина и не только знает, в чем состоит ее долг, но и обладает достаточной силой воли, чтобы его исполнить. Но... Поллианна! Какое смешное имя!

ГЛАВА 2

Старый Том и Ненси

В маленькой комнате на чердаке Ненси яростно мела и скребла пол, уделяя особое внимание углам. Бывали, разумеется, моменты, когда пыль, с которым она относилась к своей работе, проистекал не столько от усердия, сколько от желания дать выход чувствам. Ненси, несмотря на обычную пугливую покорность своей хозяйке, отнюдь не отличалась терпением святой.

— Хотела бы... я... вычистить... и углы... в ее... душе! — бормотала она отрывисто, подкрепляя каждое слово свирепым движением своей жесткой швабры. — А многие из них не мешало бы почистить, именно так, именно так! Хорошенькая идея, ничего не скажешь, затолкать бедного ребенка в эту маленькую раскаленную солнцем каморку! А зимой она даже и не отапливается! И это когда в доме полно отличных комнат, только выбирай! Ненужные дети, тоже мне! Хм! — ворчала Ненси, выжимая тряпку с такой силой, что даже пальцы у нее занули. — А я думаю, что это совсем не дети — самые ненужные, не дети, не дети!

Некоторое время она трудилась в молчании, а затем, закончив уборку, оглядела голую комнатку с явным отвращением.

— Ну, все готово... по крайней мере, мое дело сделано, — вздохнула Ненси. — Пыли тут теперь нет... да и почти ничего другого тоже! Бедняжка! Ну и выбрали место для одинокой, истосковавшейся по семейному очагу сиротки! — заключила она и вышла, хлопнув дверью. — Ох! — тут же вскрикнула, закусив губу. Но потом добавила запальчиво: — Ну и пусть, мне все равно! Я даже надеюсь, что она слышала, надеюсь, да, да!

После обеда Ненси улучила минутку, чтобы поговорить со Старым Томом, садовником, который с незапамятных времен пропалывал клумбы и разравнивал дорожки в саду этого дома.

— Мистер Том, — начала Ненси торопливо, бросив взгляд через плечо, чтобы убедиться, что никто за ней не наблюдает, — а вы знаете, что сюда приезжает маленькая девочка и будет жить у мисс Полли?

— Э... кто? — спросил старик, с трудом распрямляя согнутую спину.

— Девочка... будет жить у мисс Полли.

— Рассказывай кому-нибудь другому, — недоверчиво усмехнулся Том. — Ты бы еще мне сообщила, что солнце завтра зайдет на востоке.

— Но это правда. Мисс Полли сама мне сказала, — настаивала Ненси. — Это ее племянница, ей одиннадцать лет.

Старик разинул рот от удивления.

— Да-а!.. Интересно, — пробормотал он, и вдруг в его выцветших глазах засветилась нежность. — Не может быть... но, должно быть, это... дочка мисс Дженни! Только она одна из сестер вышла замуж. Да, да, Ненси, это, должно быть, дочка мисс Дженни. О, слава Богу! Подумать только, что я увижу такое на старости лет!

— А кто была эта мисс Дженни?

— Ангел, сошедший с небес, — прошептал старик с глубоким чувством, — но для старого хозяина с хозяйкой она была старшей дочкой. Ей было двадцать, когда она вышла замуж и уехала далеко отсюда... много лет назад. Как я слышал, все ее дети

умерли, кроме последнего ребенка. Вот эта девочка, наверное, и приезжает.

— Ей одиннадцать лет.

— Да, похоже, — кивнул старик.

— А спать ей придется на чердаке... Да как ей не стыдно! — возмутилась Ненси, еще раз оглянувшись на дом.

Старый Том сдвинул брови. Но в следующую минуту странная улыбка тронула его губы.

— Интересно, — сказал он, — что мисс Полли будет делать с ребенком?

— Хм! А мне интересно, что ребенок будет делать с мисс Полли! — огрызнулась Ненси.

Старик засмеялся:

— Боюсь, не очень-то ты любишь мисс Полли.

— Как будто кто-то может ее любить! — презрительно отозвалась Ненси.

Старый Том загадочно улыбнулся, склонился и снова занялся прополкой.

— Похоже, ты ничего не знаешь о любовной истории мисс Полли, — процедил он сквозь зубы.

— Любовная история... это у нее-то? Нет, не слыхала... и никто другой, думаю, не слыхал.

— Слыхали, слыхали, — возразил старик. — Он и теперь живет здесь, в нашем городке.

— Это кто же такой?

— Этого я не скажу. Не должен я этого говорить. — Старик снова выпрямился. В его тусклых голубых глазах, устремленных на дом, светилась явная гордость за семью, которой он верно служил и которую любил много лет.

— Но это кажется просто невероятным... Она и любимый! — по-прежнему настаивала Ненси.

Старый Том покачал головой.

— Ты не знаешь мисс Полли так, как я ее знаю, — возразил он. — Она была настоящей красавицей. Да и сейчас была бы, если бы захотела.

— Красавица? Мисс Полли?

— Да, говорю тебе! Если бы она только распустила волосы свободно и небрежно, как прежде, да надела бы такую шляпку с цветочками да платье из белых кружев, ты бы увидела, что она красавица! Мисс Полли еще не старая, Ненси.

— Не старая? Да ну? Значит, она очень хорошо притворяется, очень, очень! — презрительно фыркнула Ненси.

— Да, — кивнул Старый Том. — Это началось, когда вышли неприятности с ее любимым. Так с тех пор и кажется, будто питается она лишь полынью да осотом — такая она желчная и колючая, что трудно ее выносить.

— Да уж, — заявила Ненси раздраженно, — никак на нее не угодишь, как ни старайся! Если б не жалованье да голодные рты дома, я бы и минуты здесь не осталась. Но когда-нибудь я уж все выложу, что у меня на душе, и, разумеется, придется мне тогда распрощаться с этим домом. Так и будет, так и будет.

Старый Том снова покачал головой:

— Да, я знаю. У меня тоже было такое чувство. Это естественно... но это не лучший выход, детка, не лучший. Поверь мне, не лучший. — И он опять склонил свою седую голову над клумбой.

— Ненси! — раздался вдруг резкий голос.

— Д-да, мэм! — запнувшись, откликнулась Ненси и поспешила к дому.

ГЛАВА 3

Приезд Поллианны

Телеграмма, извещавшая о том, что Поллианна прибудет в Белдингсвилл на следующий день, 25 июня, в четыре часа, была получена вовремя. Мисс Полли прочитала ее, нахмурилась, затем поднялась по лестнице в комнату на чердаке. Лицо ее не прояснилось, когда она огляделась кругом.

В комнате стояли аккуратно застеленная кровать, два стула с прямыми жесткими спинками, умывальник, комод без зеркала и небольшой стол. Не было ни штор на мансардных окнах, ни картинок на стенах. Солнце целый день калило крышу, и от этого в маленькой комнате было жарко как в печи. Так как на окнах не было сеток, их не открывали. Большая муха с сердитым жужжанием билась в одно из окон, вверх и вниз, вверх и вниз, тщетно пытаясь выбраться наружу.

Мисс Полли убила муху и выкинула ее в окно, чуть-чуть приоткрыв для этого раму, передвинула один из стульев, снова насупила брови и вышла из комнаты.

— Ненси, — сказала она спустя несколько минут, остановившись на пороге кухни. — Я нашла муху наверху в комнате мисс Поллианны. Вероятно, там открывали окно. Я заказала сетки на окна, но, пока они не готовы, я поручаю тебе проследить, чтобы окна оставались закрытыми. Моя племянница приезжает завтра в четыре часа. Я хочу, чтобы ты встретила ее на станции. Тимоти отвезет тебя на двуколке. В телеграмме говорится: светлые волосы, полотняное платье в красную клетку и соломенная шляпа. Это все, что мне известно, но я думаю, по этим приметам ты сумеешь ее узнать.

— Хорошо, мэ. Но... вы...

Мисс Полли, очевидно, правильно поняла смысл последовавшей за этим паузы, потому что сказала решительно:

— Нет, я не поеду. Не вижу в этом необходимости. Это все. — Она повернулась и ушла. Заботы мисс Полли об удобствах ее племянницы, Поллианны, на этом были завершены.

В кухне Ненси рывками, с раздражением водила утюгом по кухонному полотенцу.

— Светлые волосы, полотняное платье в красную клетку и соломенная шляпа... Все, что ей известно! Вот уж действительно! Мне было бы стыдно, да, стыдно! Ее единственная племянница, которая едет сюда через весь континент!

На следующий день ровно без двадцати четыре Тимоти и Ненси выехали в открытой двуколке на станцию, чтобы встретить ожидаемую гостью. Тимоти был сыном Старого Тома. Иногда в городке говорили, что если Том — правая рука мисс Полли, то Тимоти — ее левая рука. Тимоти был добродушный и к тому же симпатичный парень. И хотя Ненси появилась в доме мисс Полли совсем недавно, она уже успела с ним подружиться. Сегодня, однако, она была настолько преисполнена сознанием важности стоящей перед ней задачи, что забыла о своей обычной разговорчивости, а потому доехала до станции почти в полном молчании. Она вылезла из двуколки и вышла на перрон, снова и снова мысленно повторяя: светлые волосы, платье в красную клетку, соломенная шляпа. И снова и снова пыталась она представить, какой же окажется эта Поллианна.

— Надеюсь, для ее же блага, что она спокойная и разумная, не роняет ножей и не хлопает дверьми, — со вздохом обратилась она к Тимоти, который неторопливо подошел к ней.

— Ну а если она не такая, то неизвестно, что станет со всеми нами, — усмехнулся Тимоти. — Вообрази: мисс Полли и шумный ребенок... О, свисток поезда! Слышишь?

— Ох, Тимоти, я... я думаю, это так гадко, что она не поехала, а послала меня, — пробормотала неожиданно испугавшаяся Ненси, поворачиваясь и торопливо направляясь к тому месту на платформе, откуда лучше всего можно было видеть пассажиров, высадившихся на маленькой станции.

Вскоре Ненси увидела ее — худенькую невысокую девочку в полотняном платьице в красную клетку и со спускающимися на спину двумя толстыми косами, светлыми как лен. Из-под соломенной шляпы выглядывало оживленное веснушчатое личико, поворачивавшееся то направо, то налево, очевидно в поисках кого-то.

Ненси узнала ее сразу, но несколько мгновений не могла овладеть своими дрожащими коленями, чтобы подойти к ней. Когда наконец Ненси приблизилась, девочка стояла на платформе уже совсем одна.

— Вы мисс... Поллианна? — запинаясь, выговорила Ненси и в следующий момент уже задыхалась в объятиях худеньких рук в рукавах в красную клетку.

— О, я так рада, рада, рада, что тебя вижу, — зазвенел ликующий голосок прямо ей в ухо. — Конечно, я Поллианна, и я так рада, что ты за мной приехала! Я знала, что ты приедешь!

— Зна... знала? — пробормотала Ненси растерянно, не понимая, как Поллианна могла ее узнать и даже обрадоваться ей. — Знала? — повторила она, пытаясь поправить свою съехавшую набок шляпу.

— О да! И я всю дорогу пыталась представить, как ты выглядишь! — закричала девочка, пританцовывая на цыпочках и разглядывая смущенную Ненси с головы до ног. — А теперь я знаю, и я рада, что ты выглядишь именно так, как ты выглядишь.

Слова Поллианны в высшей степени смутили Ненси, но, к счастью, в этот момент к ним подошел Тимоти.

Beldingsville
TRAIN STATION

— Это Тимоти. Может, у тебя есть чемодан? — нерешительно спросила Ненси.

— Да, есть. — Поллианна важно кивнула. — У меня новый сундучок. Мне его купили дамы из благотворительного комитета. Правда, это было очень мило с их стороны? Ведь они так хотели купить на эти деньги ковер для церкви. Конечно, я не знаю, какой кусок красного ковра можно купить на те же деньги, что и сундучок... но, наверное, все-таки какой-то можно, ну, например, на половину прохода между рядами, как ты думаешь? У меня здесь, в сумочке, такая маленькая бумажка, которую мистер Грей назвал «чек». Он сказал, что я должна отдать ее тебе, чтобы ты смогла получить мой сундучок. Мистер Грей — муж миссис Грей. Они родственники жены пастора Карра. Они взяли меня с собой, потому что ехали на восток, и они очень милые! И... вот, это чек, — закончила девочка, наконец вытащив его после долгих поисков из своей сумочки.

Ненси глубоко вздохнула. Она инстинктивно чувствовала, что кто-то должен вздохнуть после такого длинного монолога. Затем она украдкой посмотрела на Тимоти, но тот старательно избегал ее взгляда.

Наконец они двинулись в путь, с сундучком Поллианны, привязанным сзади к двуколке, и самой Поллианной, уютно устроившейся между Ненси и Тимоти. Все это время девочка не умолкала. Поток сообщений и вопросов был нескончаем, пока несколько ошеломленная Ненси не обнаружила, что совершенно выбилась из сил, пытаясь поспеть за своей собеседницей.

— Ах! Разве не прелесть? Нам далеко ехать? Я надеюсь, далеко... Я так люблю ездить, — вздохнула Поллианна, когда колеса начали крутиться. — Впрочем, если и недалеко, я тоже не буду огорчаться, потому что я буду рада поскорее оказаться на месте. Какая красивая улица! Я знала, что она будет красивая, мне папа рассказывал...

Девочка умолкла, стараясь подавить рыдания. Ненси, испуганно взглянув на нее, заметила, что ее маленький подбородок дрожит, а глаза наполнились слезами. Немного помолчав, Поллианна торопливо продолжила, храбро подняв голову:

— Папа мне все рассказал. Он помнил. И... и я должна была объяснить тебе это раньше. Миссис Грей велела мне сделать это сразу... ну, насчет этого красного платья, ты понимаешь. То есть почему я не в трауре. Она сказала, что тебе это может показаться странным. Но в последний раз, когда собирали пожертвования в пользу церкви, там не оказалось ничего черного, только черное дамское бархатное платье с баской, которое жена пастора Карра не сочла подходящим для меня. К тому же это платье было с белыми пятнами... ну то есть выношено, понимаешь... на локтях и в других местах. Некоторые дамы из комитета хотели купить мне черное платье и черную шляпу, но другие думали, что деньги следует оставить на красный ковер, который они хотели купить... для церкви, понимаешь? И миссис Уайт сказала, что это платье вполне сойдет, потому что она не любит детей в черном... то есть я хочу сказать, что она, конечно, любит детей, но не в черной одежде.

Поллианна на миг прервала речь, чтобы набрать воздуха, и Ненси успела вставить:

— Ну, конечно... все в порядке.

— Я рада, что ты так считаешь. Я тоже так думаю, — кивнула Поллианна, снова подавляя рыдание. — Конечно, в черном платье было бы гораздо труднее радоваться...

— Радоваться? — ахнула Ненси, которая была до того удивлена, что решила прервать девочку.

— Да... радоваться, что папа ушел на небеса, чтобы быть там с мамой и моими братиками и сестричками. Он сказал, что я должна радоваться. Но это очень трудно... радоваться, даже в красном платье... потому что мне... мне так его не хватает; и я все время чувствую, как он мне нужен, особенно потому, что у мамы и остальных там, на небе, есть Бог и все ангелы, а у меня нет никого, кроме дам из благотворительного комитета. Но теперь мне, конечно же, будет легче, потому что у меня есть ты, тетя Полли. Я так рада, что у меня есть ты!

Острое сочувствие Ненси к этой бедной одинокой сироте, сидевшей рядом с ней, внезапно превратилось в испуг.

— Ох, д-дорогая, но... но ты ужасно ошибаешься, — с трудом вымолвила она. — Я всего лишь Ненси. Я совсем не тетя Полли!

— Не... не тетя Полли? — произнесла явно оторопевшая девочка.

— Нет. Я только Ненси. Я и не предполагала, что ты можешь принять меня за свою тетку. Мы... мы с ней ни капельки не похожи, ни капельки!

Тимоти тихонько рассмеялся, но Ненси была слишком взволнована, чтобы заметить веселый огонек в его глазах.

— Но кто же ты? — спросила Поллианна. — Ты ни капельки не похожа и на даму из благотворительного комитета!

На этот раз Тимоти рассмеялся во весь голос.

— Я Ненси, служанка. Я делаю все в доме, кроме стирки и глажения постельного белья. Это работа миссис Дурджин.

— Но тетя Полли существует? — с тревогой спросила девочка.

— Не сомневайся, существует, — вставил Тимоти.

Поллианна вздохнула с облегчением.

— О, тогда все в порядке. — Последовало недолгое молчание, затем она оживленно продолжила: — И знаешь что? Я даже рада, что тетя не приехала встречать меня, потому что теперь мне еще только предстоит встретиться с ней, а у меня рядом уже есть ты, Ненси.

Ненси покраснела. Тимоти обернулся к ней с насмешливой улыбкой.

— Отличный комплимент, надо признать, — заметил он. — Что же ты не поблагодаришь маленькую даму?

— Я... я думала о мисс Полли, — выдавила Ненси.

Поллианна удовлетворенно вздохнула:

— Я тоже. Мне очень интересно, какая она. Понимаешь, она единственная тетя, какая у меня есть, и я очень долго даже не знала, что она у меня есть. А потом мне папа сказал. Он сказал, что она живет в красивом большом доме на холме.

— Да, так оно и есть. Его уже видно отсюда, — сказала Ненси. — Это вон тот белый дом с зелеными ставнями, там, впереди.

— Ах, какой красивый! И столько деревьев и травы кругом! Я никогда, кажется, не видела сразу столько зеленой травы. Ненси, а тетя Полли богатая?

— Да.

— Я так рада! Это, должно быть, просто восхитительно иметь много денег. Я никого еще не знала, у кого их было бы много, кроме мистера и миссис Уайт, они довольно богатые. У них в каждой комнате ковры и сливочное мороженое по воскресеньям. А у тети Полли тоже мороженое по воскресеньям?

Ненси отрицательно покачала головой. Губы ее чуть дрогнули в улыбке. Они с Тимоти весело переглянулись.

— Нет, милочка. Я так думаю, что твоя тетя не любит мороженое; по крайней мере, я никогда не видела, чтобы она его ела.

Лицо Поллианны стало печальным.

— О, не любит! Как жаль! Не понимаю, как можно не любить мороженое. Но... все равно, я могу быть и этому рада, потому что если не ешь мороженое, то от него не заболит живот, как от мороженого миссис Уайт... ну, то есть когда я ела у нее мороженое, очень много. Но, может быть, у тети Полли есть ковры?

— Да, есть.

— В каждой комнате?

— Почти в каждой, — ответила Ненси; лицо ее омрачилось при мысли о голой маленькой комнате на чердаке, где не было никакого ковра.

— О, как хорошо! — обрадовалась Поллианна. — Я очень люблю ковры. У нас не было ковров, только два маленьких коврика, которые оказались среди церковных пожертвований, и на одном были чернильные пятна. А у миссис Уайт еще были картины, очень красивые: розы и маленькие девочки на коленях, котенок, ягнята, лев... только не вместе, конечно, лев и ягнята. О, разумеется, в Библии сказано, что они будут потом пастись вместе, но пока еще не пасутся... то есть у миссис Уайт еще не пасутся. А ты любишь картины?

— Я... я не знаю, — ответила Ненси чуть сдавленным голосом.

— Я люблю. У нас не было картин. Они редко попадают среди пожертвований. Но две картины у нас все-таки были. Одна была такая хорошая, что папа ее сразу продал, чтобы купить мне ботинки, а другая была такая плохая, что развалилась на куски, как только мы ее повесили. Стекло разбилось, понимаешь? Я даже плакала. Но теперь я рада, что у нас не было никаких красивых

вещей, потому что благодаря этому мне еще больше понравятся красивые вещи у тети Полли. Ведь я к этому не привыкла. Это совсем как если вдруг в пожертвованиях найдешь красивые новые ленточки для волос после многих-многих старых и выцветших. Ах, какой красивый дом! — горячо воскликнула она, когда двуколка въехала в широкую аллею, ведущую к крыльцу.

Когда Тимоти отвязывал сундучок, Ненси улучила минутку и шепнула ему на ухо:

— Теперь и не говори мне ничего насчет того, чтобы уволиться, Тимоти Дурджин! Теперь меня ни за какие деньги не заставишь уйти!

— Уйти! Разумеется, нет, — усмехнулся Тимоти. — Меня теперь тоже отсюда не выгонишь. Теперь с этой девчушкой тут пойдет такое веселье — и в кино ходить не надо.

— Веселье, веселье! — с раздражением повторила Ненси. — Мне кажется, что для бедняжечки это будет совсем не веселье, как поживет она под одной крышей с нашей хозяйкой. И я думаю, ей понадобится надежная скала, где она сможет укрыться от бурь. Так вот, я буду этой скалой, Тимоти, да, я, я! — торжественно пообещала она, повернулась и повела Поллианну наверх по широким каменным ступеням.

